

С Л О В О

о

ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЕГОВА.

Речь первыхъ временъ! былины дней друсихъ лѣтъ!

О с с и а н ь.

Не пристойно ли бы намъ было, братья, вос-
пѣшь древнимъ языкомъ трудную повѣсть о
войскѣ Игоревомъ, Игоря Святославовича? Вос-
пѣшой же бышь шой пѣснѣ по былямъ сего вре-
мени, а не по вымыслу Боянову; Боянъ мудрой
когда кому хотѣлъ пѣсню шворить, то носился
мыслью по дереву, сѣрымъ волкомъ по землѣ,
сизымъ орломъ подѣ облаками; помнилъ онъ
сказаніе давноминувшихъ временъ о войнѣ, и
тогда пускалъ десять соколовъ на стадо лебедей.
Которой соколъ долеталъ, шу напередъ пѣсню
онъ пѣлъ: древнему Ярославу, храброму Мсти-
славу, которой зарѣзалъ Редедю передъ полками
Насожскими, прекрасному Роману Святославо-
вичу. Боянъ же, братья, не десять соколовъ на
стадо лебедей пускалъ; но свои хитрые персты
на живыя струны вкладывалъ, сіи же сами
Князьямъ славу гласили.

Воспоемъ же, брашья, повѣсьшь ешу отъ древно-
няго Владимира до нынѣшняго Игоря, которой
устремилъ всѣ свои мысли на *подвигъ сей*, и
пооспирилъ сердце свое мужествомъ; наполнив-
шись военного духа, навелъ онъ свои храбрые
полки на землю Половецкую за землю Русскую.
Тогда Игорь взглянулъ на свѣтлое солнце, и
увидѣлъ отъ него пьмой всѣхъ своихъ воиновъ
покрытыхъ, и сказалъ Игорь дружинѣ своей:
„брашья и дружина! лучше изрублену бышь,
нежели полонену бышь; а сядемъ, брашья, на
своихъ лихихъ коней, да посмотримъ синяго
Дону!“ *Вспало Князю на умъ желаніе опьѣдашь
воды изъ Дону великаго, и геройское стремленіе
заспупило ему знаменіе (заспавило пренебречь).*
„Хочу, сказалъ онъ, копье переломить въ самыхъ
дальнихъ степяхъ Половецкихъ съ вами Русскіе!
хочу голову свою положишь, либо испишь шле-
момъ *воды изъ Дону.*“ О Боянъ, соловей спараго
времени! когдабы пы сіи полки воспѣлъ, скача,
соловей, по мысленному дереву, летая умомъ
подъ облаками, увивая славами (увѣковѣчивая)
объ половины сего времени, рыща по дорогѣ
Траяновой черезъ поля на горы; пѣшь было *тебѣ*
пѣсню Игорю, шого Олега внуку. Не буря соко-
ловъ занесла черезъ степи широкія, галки спа-
дами летяшъ къ Дону великому; развѣ не воспѣшь
ли было (что! когда бы воспѣшь) *тебѣ*, мудрой
Боянъ, Велесовъ внуку? Кони ржупъ за Сулой,
звенишъ слава въ Кіевѣ, прубы прубятъ въ
Новѣгородѣ (Сѣверскомъ), вѣютъ знамена въ
Пушивлъ; Игорь ждешъ милаго брата, Всеволода.

Исказалъ ему сильной шурь, Всеволодъ: „одинъ у
меня брашъ, одинъ свѣтъ свѣплый, шы Игорь!
оба мы Свяшославовичи; сѣдай, брашъ, своихъ
лихихъ коней, а мои для тебя гошovy, осѣданы
у Курска напереди. А мои Куряне искусные
всадники, подъ шрубами повисы, подъ шлемами
взлелѣяны, св оспрѣя копья вскормлены; дороги
имъ знаемы, луки у нихъ напаянушы, колчаны
опошкнупы, сабли ошиущены; сами скачупъ,
какъ сѣрые волки въ полъ, ища себѣ чести,
а Князю славы.“ Тогда всшупилъ Игорь Князь въ
золотое стремя, и поѣхалъ по чистому полю:
солнце ему шьмой дорогу засшупало; ночь, сто-
нущая грозой ему, пшицъ разбудила; воюпъ
звѣри шпадами; филинъ кричипъ на вершинѣ
дерева, велитъ послушать землѣ незнаемой,
Волгѣ, и Поморью, и Посулью, и шебѣ, Тьму-
шороканской болванѣ! А Половцы непроложен-
ными дорогами побѣжали къ Дону великому;
кричупъ (скрыпяпъ) шелеги ихъ въ полуночи,
словно лебеди разлешѣвшіеся. Игорь къ Дону
воиновъ ведешъ; уже бѣды его пасупъ пшицъ;
волки ужасъ раждаюпъ *вѣтьемъ* по оврагамъ,
орлы крикомъ на шрупы звѣрей зовупъ, лисицы
лаюпъ на багряные щипы. О Русская земля!
уже за высотой шы (скрылась изъ виду); давно
ночь шемѣшъ, свѣтлая заря пропала, туманъ
поля покрывъ, пѣвіе соловьиное заснуло, крикъ
галичей пробудился. Русскіе широкія шпени
перегородили багряными щипами, ища себѣ
чести, а Князю славы.

Рано въ пяшницу смяли они нечестные полки

Половецкіе, и разсыпавшись стрѣлами по полю, помчали прекрасныхъ дѣвокъ Половецкихъ, а съ ними золото, и парчи, и дорогіе бархаты; оршмами, и епанчами, и шубами, и всякими нарядами Половецкими начали мосты мостить по болошамъ и грязнымъ мѣстамъ. Багряное древно, два знамя бѣлое и багряное же, серебряное всеоружіе наградой храброму Святославовичу. Дремлетъ въ полѣ Олегово, храброе гнѣздо, далеко залетѣло; не родилось оно шерпѣть обиды ни отъ сокола, ни отъ вичета, ни отъ шебя, чорной воронѣ, нечистой Половчанинѣ! Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ юлкомъ; Кончакъ за нимъ въ слѣдѣ слѣпшишь къ Дону великому.

На другой день весьма рано кровавыя зари свѣтѣ възвѣщають, чорныя шучи сѣморядушѣ, хопяшѣ закрышѣ чешыре солнца; а въ нихъ извиваются синія молніи. Бышѣ грому великому, ишши дождю стрѣлами съ Дону великаго; шумѣ копьямъ поломаться; шумѣ саблямъ погромѣшѣ о шлемы Половецкіе, на рѣкѣ, на Каялѣ, у Дону великаго. О Русская земля! уже за высокою ты; вошѣ вѣтры, Сприбожевы внуи, вѣюшѣ съ моря стрѣлами на храбрыя полки Игоревы. Земля звучитѣ, рѣки мутно текутѣ, пыль поля покрываетѣ, знамена шумятѣ; Половцы идушѣ отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ сторонѣ. Русскіе полки отступили; дѣши бѣсовы (Половцы) крикомъ поля перегордели, а храбрыя Русскіе перегородили багряними щипами. Лютой шурѣ, Всеволодѣ! ты стоишь на оборонѣ, прыщешь на

воиновъ спрѣлами, гремишь о шлемы мечами
булашными. Куда, шурѣ, ни бросишься, своимѣ
золотымѣ шлемомѣ поблескивая, шамѣ лежашѣ
нечистыя головы Половецкїя, изщепаны саблями
калеными шлемы Аварскїя отѣ тебя, люшой
шурѣ, Всеволодѣ! Какїя раны дороги, братья, за-
бывшему почести, и жизнь, и городѣ Черниговѣ,
опеческой, золотой престолѣ, и свои любимѣй-
шія прихопи, прекрасной Глѣбовны (супруги
своей) привычки и обычай? Были битвы Трая-
новы, минули лѣша Ярославовы, были ополченїя
Олеговы, Олега Святославовича; ешотѣ по
Олеге мечемѣ вражду ковалѣ, и спрѣлы по землѣ
сѣялѣ, вспупаешѣ вѣ золотое спремя вѣ городѣ
Тьмушороканѣ. Также слышалѣ давнишнюю, ве-
ликую молву Ярославѣ; а Владимїрѣ, сынѣ Всево-
лодовѣ, всякое утро уши закладывалѣ вѣ Черни-
говѣ. Бориса же Вячеславовича слава ко гробу при-
вела, и на конскую, зеленую попону положила
за обиду Олегову, храбраго и молодаго Князя.
Сѣ той же Калы Святополкѣ послѣ битвы
поднялѣ тѣло отца своего между Венгерскими
иноходцами, и повезѣ кѣ Святой Софіи, вѣ Кїевѣ.
Тогда при Олеге Гориславовичѣ сѣялись и ра-
сли междуусобїя; погибала жизнь Дажьбожа
внука, вѣ княжихѣ враждахѣ дни человекамѣ
сократились. Тогда по Русской землѣ рѣдко
земледѣльцы восклицали; но часто вороны
наркали, шрупы по себѣ дѣля; а галки свою
речь говорили, хопяшѣ полетѣть на покормку.
То было вѣ тѣ битвы и вѣ тѣ ополченїя; а
шакой жестокой битвы и не слыхано: сѣ раннихѣ

лучей ушра до *позднихъ* вечера, съ вечера до свѣша лешяпѣ спрѣлы каленыя, гремяпѣ сабли о шлемы, шрещапѣ копыа булашныя, въ степи незнаемой, среди земли Половецкой. Чорная земля подѣ копышами коней косями была по сѣяна, а кровью полиша; шуго (худо) пришло Русскимъ людямъ. Чшо, *слышится* мнѣ, шумишѣ? Чшо, *слышится* мнѣ, звенишѣ давича рано передѣ зарею? Игорь полки заворачиваетѣ; жаль ему милаго брата, Всеволода. Бились день, бились другой, на шрепій день около полудня пали знамена Игоревы. Тутѣ два брата разлучились на берегу быстрой Каалы; шупѣ кроваваго вина не достало; шупѣ пирѣ докончили храбрые Рускіе, свашовѣ попили, а сами полегли за землю Русскую. Никнетѣ шрава отѣ жалости, а дерево съ горя кѣ землѣ наклонилось. Уже, брашья, не веселая година восшала (пора наспала); уже пустыни войско покрыли. Восшала обида въ войскахѣ. Дажьбожа внука, вступила дѣвой на землю Траянову, всплескала лебедиными крылами на синемѣ морѣ, у Дону плещучи, разбудила плучныя времена. Переспали Князья ходишѣ войной на нечистыхѣ; молвилѣ братѣ брату: „ешо мое, и шо мое же.“ И начали Князья про малое, ешо великое, говоритѣ (завидовать), и сами на себя вражду ковапѣ; а нечистые со всѣхѣ споронѣ приходили съ побѣдами на землю Русскую. О! далеко залетѣлѣ соколѣ, избивая пшицѣ у моря; а Игорева храбраго полку не воскреситѣ. За нимѣ крикнули Карна и Жля, ушпредились въ Русскую землю, мча съ собою

пожары въ пламенномъ рогѣ. Жены Русскія всплакали, причипая: „уже намъ о своихъ милыхъ мужьяхъ ни мыслью не помыслишь, ни думой не вздумаешь, ни глазами на нихъ не поглядѣшь; а золошомъ и серебромъ ни сколько не побрячашь.“ Вспоналъ, брашья, Кіевъ отъ горещи, а Черниговъ отъ напастей; тоска разлилась по Русской землѣ, печаль глубокая текла среди земли Русской. А Князья сами на себя вражду ковали; а нечистые, побѣждая ихъ въ набѣгахъ своихъ на Русскую землю, брали дань по бѣлкѣ сѣ двора. Сіи два храбрые Святославовичи, Игорь и Всеволодъ, уже разбудили льгошу, копорую было усыпилъ отецъ ихъ, Святославъ грозной, великой Князь Кіевской. Грозой *Половцовъ* былъ, заставилъ препешать своими сильными полками и булашными мечами, наступилъ на землю Половецкую, припопшалъ холмы и овраги, взмушилъ рѣрки и озера, изсушилъ пропоки и болопа; а нечистаго Кобяка отъ излучины моря (Азовскаго), изъ середины желѣзныхъ, великихъ полковъ Половецкихъ, какъ вихорь, испоргнулъ; и попался Кобякъ въ городъ Кіевъ, во дворецъ Святославовъ. Тамъ Нѣмцы и Венеціане, шамъ Греки и Моравцы поютъ славу Святославову, хаютъ (прицаютъ) Князя Игоря, копорой погрузилъ жиръ земли Русской (богатство) на дно Каялы рѣрки Половецкой. Тутъ насыпали Русскаго золоша; шутъ Игорь Князь пересѣлъ изъ сѣдла своего золошаго въ простое сѣдло опрока. Уными городскія стѣны, и веселіе поникло; а Святославъ дурной сонъ видѣлъ: „въ Кіевѣ на горахъ

въ епу ночь съ вечера, одѣвали меня, говорилъ оя
своимъ Болрамъ, чорнымъ покровомъ на кровашѣ
шесовой, подносили мнѣ синее вино, съ ядомъ
смѣшенное, сыпали мнѣ . . . . . крупной жем-
чугъ въ колѣна, и нѣжашъ меня; уже доски
безъ мапицы въ моемъ шеремѣ золотверь-
хомъ. Всю ночь съ вечера босые вороны прокар-
кали у Пѣнска, усѣлись на болонѣ, сѣдѣ
лощина Кисанова. и не слѣбли къ синему мо-
рю.“ И молвили Бояре Князю: „уже, Князь,
печаль насъ сокрушила; два сокола слѣбли
съ опцовскаго престола, золотого достать го-
родъ Тьмушорокань, либо испишь шлемомъ воды
изъ Дону. Уже соколамъ крылья обрубали не-
числыхъ саблями, а самихъ опушали желѣзами.
Темно стало въ прешій день; два солнца по-
меркли, оба багряные столпа погасли, и съ
ними молодые мѣсяцы, Владиміръ и Святославъ,
пѣмой одѣлись, на рѣкѣ, на Каялѣ пѣма свѣтъ
покрыла. По Русской землѣ простерлись По-
ловцы, какъ леопардово гнѣздо, и въ морѣ (Азов-
ское) загнали остатокъ Русскихъ; и сіе большую
дерзость придасть изъ Хану. Уже вознеслась
хула на хвалу; уже воспало насиліе на сво-
боду; уже съ вершины дерева спустился филинъ
на землю. Вошъ Гопскія, прекрасныя дѣвы вспѣ-
ли на берегу синяго моря; бряча Русскимъ золо-
томъ, поюшъ время Бусово, славятъ мщеніе
Шураканово; а мы, твоя дружина, хопимъ еще
веселья!“ Тогда великій Князь, Святославъ вы-
ронилъ золотое слово, съ слезами смѣшенное,
и молвилъ: „о мои племянники, Игорь и Все-

володѣ! рано начали Половецкую землю мечами опустошать, а себѣ славы искапѣ; но худо одолѣли, худо кровь нечистую пролили. Ваши храбрыя сердца извѣ жосткаго булаша скованы, и вѣ мужествовѣ закалены; что вы сдѣлали съ моею серебряною сѣдиной? Уже не вижу власти сильного, и богатаго, и многорапнаго брата моего, Ярослава съ Черниговскими *Ковцями*, съ Могунами, и съ Татранами, и съ Шельбирами, и съ Топчачами, и съ Ревугами, и съ Ольберами. Ся безщиповѣ съ засапожниками (родѣ кинжаловѣ) крикомѣ полки побѣждаютѣ, звоня вѣ прадѣдовскую славу (идучи по слѣдамѣ славныхѣ прадѣдовѣ); но сказали: „спанемѣ мужаться! пріобрѣтемѣ сами славу вѣ попомощѣ, а слава предковѣ не есть еще наша.“ А развѣ диво, братья, спарѣ помолодѣшь? когда соколѣ ляннѣшь, выосѣ пшѣцѣ гонитѣ, не дастѣ гнѣзда своего вѣ обиду. Но то худо: Князя мнѣ не пособіе; години наничѣ выворопились (все вверхѣ дномѣ оборотилось).“ Вошѣ у Римѣ кричатѣ подѣ саблями Половецкими, а Владиміръ подѣ ранами; горе и шоска сыну Глѣбову. Великій, Князь Всеволодѣ! мыслью не перелѣтъ шебѣ издалека для охраненія опцовскаго, золошаго прешола; шы можешь Волгу веслами разбрызгать, а Донѣ шлемами вылишь. Когда бы шы былѣ здѣсь, то *плѣнныя, Половецкія* жены продавались бы по ногашѣ, а отроки *наѣ* по рѣзанѣ; шы можешь посуху живыми шереширами стрѣляшь, удалыми сынами Глѣбовыми. Мужесшвенной Рюрикѣ и Давидѣ! не ваши ли позолоченыя шлемы по крови плавали? не ваша

ли храбрая дружина рыкаешъ, какъ шуры, раненыя саблями калеными, на полъ незнаемомъ? Вспунипе, Государи, въ золотыя спремена за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, храбраго Святославовича! Галицкой Осмомыслъ, Ярославъ! высоко сидишь ты на своемъ золопокованномъ престолъ, подперъ горы Карпатскія своими желъзными полками, заступивъ Королю дорогу, зашворивъ Дунаю ворота, бросая птягоспи черезъ облака, господствуя до Дуная; спрашно имя швое по всей землѣ, отворяешъ Киеву ворота, спрѣляешъ съ опцовскаго, золотого престола въ Сулпановъ земель дальнихъ. Спрѣлай, Государь, въ Кончана, въ нечиспаго Гзава за землю Русскую, за раны Игоревы, мужеспвеннаго Святославовича! А ты, мужеспвенной Романъ и Мстиславъ! храбрая мысль спремилъ васъ на умной (славной) подвигъ; высоко возносишьъ ты на мужеспвенной подвигъ, какъ соколъ на вѣшрахъ ширяясь, хопя всякую ппицу въ спремельни одолъшь. У васъ желъзные нагрудники подъ шлемами Лапинскими; имени вашего славою полна земля и многія владѣнїя ханскія. Лишва, Япвяги, Деремела и Половцы копья свои побросали, а головы свои подклонили подъ пѣ мечи булашныя. Но уже, Князь, Игорьъ, для тебя солнце не свѣтитъ, и дерево не къ добру листься сронило; по Роси, по Сулѣ города подѣлили, и Игорева храбраго войска не воскресить. Донъ шебя, Князь, кличетъ и зоветь Князей на побѣду; Ольговичи, храбрые

Князья, поспѣли на войну. Ингварь, и Всеволодъ, и всѣ при Мспиславичи, нехудаго гнѣзда шестокрильцы! не побѣдами ли вы приобрѣли себѣ могущество? къ чему вамъ золотые шлемы, и щипы, и конья Польскія? загородите въ поле вороша своими оспрыми спрѣлами за землю Русскую, за раны Игоревы, мужеспвеннаго Святославовича. Уже Сула не печешъ серебряными спруями къ городу Переяславлю, и Двина бодошомъ печешъ къ онымъ грознымъ Полочанамъ подъ крикомъ нечиспыхъ. Одинъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвонилъ своими оспрыми мечами о шлемы Липовскіе, припрепалъ славу дѣду своему, Всеславу (превозмогъ его славою); а самъ подъ багряними щипами на кровавой правѣ припрепанъ Липовскими мечами, и на смертной постелѣ восхипилъ ее (славу), и сказалъ: „дружину швою, Князь, пшицѣ крылья одѣли; а звѣри кровь полизали!“ Не было шупѣ брата его Брячислава, ни другаго брата, Всеволода, одинъ же выронилъ жемчужную свою душу изъ храбраго шѣла черезъ золотое ожерелье. Уныли голоса, поникло веселіе, прубы прубятѣ Городенскія. Ярославъ и всѣ внуки Всеславовы! уже понизите знамена свои, вложите въ ножны мечи свои поврежденные; уже выскочили вы изъ дѣдовской славы (совсѣмъ непохожи спали на славнаго дѣда). Вы своими враждами начали наводити нечиспыхъ на землю Русскую, на жизнь Всеславоу; какое было насилье отъ земли Половецкой? На седьмомъ вѣнѣ Траяновомъ бросилъ Всеславъ жеребей о милыхъ ему дѣвицахъ

люнами подпершись, сблѣ онѣ на коней, и поскакалѣ къ городу Кіеву, и дошнулся всеоружіемѣ до золотого престола Кіевскаго. Побѣжалѣ отѣ нихѣ (отѣ Кіевлянѣ) лютымѣ звѣремѣ вѣ полночь изѣ Бѣлагорода, завѣсившись синимѣ туманомѣ; по упру же вонзилѣ сприкусы, отворилѣ воропа Новугороду (великому), разшибѣ славу: Изяславу, побѣжалѣ волкомѣ сѣ Неменя до Дудушокѣ. На Немень головы спелюшѣ, какѣ снопы, молошяшѣ цѣпами булашными, на кровавой ладонѣ (мѣсто, гдѣ молошяшѣ) жизнь владушѣ, вѣюшѣ душу отѣ пѣла; Неменя кровавые берега не добромѣ были посѣяны, посѣяны костями сыновѣ Русскихѣ. Всеславѣ Князь людей судилѣ, Князьямѣ города раздавалѣ; а самѣ вѣ ночь волкомѣ рыскалѣ, изѣ Кіева послѣвалѣ до пѣнія пѣшуховѣ вѣ Тьмушороканѣ. . . . . Ему вѣ Полотскѣ рано позвонили къ заупреннѣ у Святой Софіи; а онѣ вѣ Кіевѣ звонѣ слышалѣ. Хотя иной человекѣ и благоразуменѣ, *каковѣ былѣ Всеславѣ*; однакожѣ онѣ часто бѣдами спрадалѣ. Ему *то* мудрой, смысленной Боянѣ сѣ начала сей припѣвѣ сказалѣ: „никакому хипрецу, ни искуснику, ни такому искуснику, которой, какѣ пшица летаетѣ, суда Божія не миновать.“ О! стонать Русской землѣ, вспомянувѣ первыя времена и первыхѣ Князей: того древняго Владиміра не лѣзя было пригвоздить къ горамѣ Кіевскимѣ; нынѣ знамена его спали *одни* Рюриковы, а другіе Давидовы; но враги ихѣ, впряженные вѣ плугѣ вмѣсто всловѣ, пашутѣ *на нихѣ*; оружіе *ихѣ* славится на Дунаѣ.

Ярославнинѣ голосѣ слышится; одна, какѣ *горемышная* кукушка, рано кличетѣ (причитаетѣ) она: „полечу кукушкой къ Дону, омочу бобровой рукавѣ въ Каялѣ рѣкѣ, ушпру Князю кровавыя его раны на жоспкомѣ его пѣлѣ.“ Ярославна рано плачетѣ въ Пупивлѣ на городской стѣнѣ, причитая: „о вѣтерѣ, вѣтерѣ! къ чему, государь, сильно дуешь? къ чему мчишь ханскія стрѣлки своими легкими крыльями на воиновѣ моего мужа? мало ли пѣбѣ было горѣ подѣ облаками душѣ, лелѣя корабли на синемѣ морѣ? къ чему, государь, мое веселье поковыли (родѣ спешной правы) разивѣялѣ?“ Ярославна рано плачетѣ на городской стѣнѣ Пупивля, причитая: „о Днѣпрѣ пресловутой! ты пробилѣ каменные горы съвозѣ землю Половецкую, ты лелѣялѣ на себѣ суда Свяшославовы до войска Нобянова; взлелѣй на себѣ, государь, моего мужа ко мнѣ, дабы не посылала къ нему слезѣ на море рано!“ Ярославна рано плачетѣ въ Пупивлѣ на городской стѣнѣ, причитая: „свѣтлое и пресвѣтлое солнце! ты всѣмѣ шепло и красно; къ чему, государь, простерло горячій свой лучѣ на воиновѣ моего мужа, въ полѣ безводномѣ жаждою имѣлуки свело, горестью имѣ колчаны зашпинуло?“

Хлынуло море въ полуночи, находящѣ сумерьки подобно шуману; Князю Игорю Богѣ до рогу нажепѣ изѣ земли Половецкой въ землю Русскую, къ опцовскому, золошному престоу. Погасли въ вечеру зари; Игорь не спитѣ, Игорь бодрствуетѣ, Игорь въ мысляхѣ поля мѣрветѣ

опѣ великаго Дону до малаго Донца. Для побѣга Игорю готовѣ конь въ полночь; Лаверь свиснулѣ за рѣкой, да ешѣ знашѣ Князю. Князю Игорю не бышѣ въ плѣну; кликнула, спукнула земля, зашумѣла права. Телеги Половецкѣя двинулись, и Игорь Князь побѣжалѣ горноспаемѣ къ простнику, поплылѣ бѣлымѣ гоголемѣ (родѣ ушки) по водѣ, бросилѣ на лихаго коня, сскочилѣ съ него, и босымѣ волкомѣ побѣжалѣ къ дугу Донца, и полетѣлѣ соколѣмѣ подѣ шуманати, избивая гусей и лебедей на завтракѣ, обѣдѣ и ужинѣ. Когда Игорь соколѣмѣ полетѣлѣ, шо Лаверь волкомѣ побѣжалѣ, опряхивая съ себя спуденую росу; надорвали своихѣ лихихѣ коней. Донецѣ сказалѣ: „ Князь, Игорь! не мало для шебя славы, для Кончака досады; а для Русской земли веселья.“ Игорь отвѣчалѣ: „ о Донецѣ! не мало и для шебя славы; пы лелѣялѣ Князя на волнахѣ, сплалѣ ему зеленую траву на своихѣ серебряныхѣ берегахѣ, одѣвалѣ его шеплыми шуманами подѣ сѣнію зеленаго дерева, сперегѣ его гоголемѣ на водѣ, чайками (родѣ рыболова) на спруяхѣ, и чернышами (родѣ ушки) на вѣпрахѣ. Такова ли, примолвилѣ онѣ, рѣка Спугна, имѣющая дурную спрую (быспрое печеніе), пожирающая чужіе ручьи, и разбивающая спруги (родѣ судовѣ) о кусты? Юношѣ, Князю, Роспиславу затворилѣ Дибѣрѣ шемные (лѣсомѣ поросшіе) берега свои; плачешся машь Роспиславова по юношѣ, Князѣ, Роспиславѣ; уныли цѣвѣшы опѣ плача, и дерево съ горя къ землѣ наклонилось.“ А не сороки за-

спрекопали, по слѣдамъ Игоревымъ ѳздяпѣ Гзакѣ съ Кончакомъ; тогда вороны не наркали, галки замолчали, сороки не спрекопали, только *въ лѣсу* по деревьямъ бѣгали дяплы, долбленьемъ до рогу кѣ рѣрѣ показываютѣ, соловьи веселыми пѣснями свѣшѣ возвѣщаютѣ. Молвитѣ Гзакѣ Кончаку: „ежели соколѣ ко гнѣзду лепитѣ, по соколенка разспрѣляемѣ своими позолочеными спрѣлами.“ Сказалѣ Кончакѣ Гзаку: „ежели соколѣ ко гнѣзду лепитѣ, по мы соколенка опускаемѣ прекрасной дѣвицей.“ *На сіе* опѣвчалѣ Гзакѣ Кончаку: „ежели его опускаемѣ прекрасной дѣвицей, по у насѣ не будетѣ ни соколенка, ни прекрасной дѣвицы, и начнутѣ насѣ пшицы бишѣ въ степи Половецкой.“

Воспѣлѣ Боянѣ и походы на Кагана, пѣснопворецѣ древняго времени Ярославова, Святослава, и Олегова, *воспѣлѣ*: „тяжело *быть* тебѣ головѣ безѣ плечѣ! худо *быть* тебѣ тѣлу безѣ головы!“ Русской землѣ безѣ Игоря; солнце свѣпшился на небѣ, Игорь Князь въ Русской землѣ. Дѣвицы поютѣ на Дунаѣ; голоса *ихѣ* вьютѣся черезѣ море (Черное) до Кіева. Игорь ѳдетѣ по Боричеву кѣ Свяшой Богородицѣ, Пирогощей; земля *Русская* радуешѣся, города веселяшѣся, пѣвши пѣсню спарымѣ Князьямѣ, а попомѣ молодымѣ. Слава Игорю Святославовичу! Слава сильному шуру, Всеволоду! Слава Владиміру Игоревичу! Да здравспвуютѣ Князья и дружина, воюя за Христіанѣ пропшѣ нечистыхѣ. Слава Князьямѣ и дружинѣ!
